

ВОЛЬНЫЕ ЧАСТНЫЕ ГОРОДА

ТИТУС ГЕБЕЛЬ

Больше конкуренции на
важнейшем рынке мира

12+

Титус Гебель

**Вольные частные города.
Больше конкуренции на
важнейшем рынке мира**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Гебель Т.

Вольные частные города. Больше конкуренции на важнейшем рынке мира / Т. Гебель — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-10302-3

Новая книга Титуса Гебеля «Вольные частные города» представляет теоретические основы, рассматривает примеры из прошлого и настоящего и дает практические советы о том, как построить вольный частный город в реальном мире. Это необходимо для всех, кто хочет участвовать в этом новом рынке или вообще интересуется концепцией вольных частных городов и альтернативами традиционным политическим системам.

ISBN 978-5-532-10302-3

© Гебель Т., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть I. Основы	5
Глава 1. Общежитие как рынок	5
Глава 2. Право на жизнь по принципу самоопределения	9
Новая концепция суверенитета	11
Самоопределение	13
Глава 3. Три новые страны – готовы к разнообразию?	16
Лесные сородичи	16
Княжество Христо	16
Джетсония	17
Глава 4. Основные вопросы человеческого общежития	19
I. Что нами движет?	19
А. Социальное государство и ошибочная структура стимулов	20
В. Принцип минимума как ключевая проблема	25
II. Как можно ограничить власть?	27
Проблема насилия и монополия насилия	27
Политика	28
Общественный договор	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

И открывается, быть может, новое столетие мечтаний интеллигенции и культурного слоя о том, как избежать утопий. Как вернуться к неутопическому обществу, к менее совершенному (и более свободному) обществу.

Николай Бердяев, философ

Когда-нибудь возникнет экспериментальное объединение, функционирующее куда лучше, нежели общество, в котором мы живем. И тогда у нас будет практическая альтернатива.

Карл Саган, астрофизик

Поезжай туда, где с тобой обращаются наилучшим образом.

Кристоф Хойерман, вечный путешественник

Часть I. Основы

Глава 1. Общежитие как рынок

Нам страшно львицы пробужденья, ужасен тигра злой разбег, но всех ужасней – в исступленья, в своем безумье – человек. (Перевод Вс. Рождественского)

Фридрих Шиллер, поэт и философ

Эта книга о том, почему в важнейшей сфере нашей жизни мы нуждаемся в альтернативах и как они могли бы выглядеть. Важнейшей сферой я называю жизнь совместно с другими людьми. Ведь давным-давно наши самые страшные враги уже вовсе не природные стихии и не хищные звери, а исключительно другие люди. Поэтому решающее значение имеет вопрос, как мы формируем сообщество с другими людьми. Люди способны сойтись на определенных мировоззрениях и даже отдать за них жизнь. Коль скоро речь при этом идет о сомнительных или опасных идеях, у всех остальных возникает проблема. Стало быть, единственно *реальная* проблема человечества состоит в том, что одни люди стремятся навязать свою волю другим. Вот почему необходимо создать порядок, который этому воспрепятствует.

Преобладающее на Западе мнение исходит из того, что комбинация демократии и правового государства уже представляет собой достаточно хороший способ пресечь злоупотребление властью и обеспечить плодотворное общежитие. После распада коммунистического Восточного блока прогнозировали даже, что настал конец истории¹. Либеральные демократии, основанные на принципе правового государства², являют собой квинтэссенцию развития, дальнейший прогресс более невозможен, и в конечном счете к этому сведутся все системы на свете. Увы, это заблуждение, в частности, потому, что наши свободно-демократические конституции суть нечто совершенно недопустимое по гражданскому праву всех государств, а именно договоры, обременяющие третьих лиц. Но об этом ниже.

Наше общежитие – тоже рынок, ибо, независимо от нашего одобрения или неодобрения, подчиняется его закономерностям. Там, где встречаются люди, еще не безмятежно счастливые, всегда возникает рынок. Любой рынок характеризуется наличием предложения и спроса на

¹ Идея из одноименной работы Фукуямы (Fukuyama, 1992).

² Под этим следует понимать вот что: каждый взрослый гражданин имеет право голоса, в государстве действуют равное, прямое, тайное избирательное право, первенство закона и законодательные ограничения, а также индивидуальные основные права граждан.

товары, услуги и права. Даже если избиратели большинством голосов отдадут предпочтение антирыночной системе, а политики затем воплощают ее в жизнь, результат все равно рыночный³. Государства тоже существуют потому, что на них есть спрос. Государственный строй создает рамки, в которых человек может социально взаимодействовать и мирно вести обмен услугами и товарами. Существование безопасности и твердых правил позволяет очень большим множествам людей уживаться друг с другом. Подобное общежитие настолько привлекательно, что ради него мирятся даже со значительными ограничениями свободы. По всей вероятности, большинство населения диктаторских систем тоже предпочтет жизнь в своей стране свободному бытию этакого робинзона на уединенном острове. Ведь человек как-никак стадное животное.

Рынок общежития не только важнейший из всех рынков, но и крупнейший. Государственные активы составляют по всему миру примерно 30 % валового национального продукта⁴. Эффективность, однако, весьма скромна. Балансово крупнейшее «предприятие» на этом рынке, Соединенные Штаты Америки, ежегодно несет убытки размером около 800 млрд долларов⁵. Некоторые участники рынка, например Швеция и Германия, сознательно предпочитают неквалифицированных, нуждающихся в алиментации новых клиентов и тем самым разгоняют свою давнюю платежеспособную клиентуру. Некоторые участники конкуренции, скажем Иран или Северная Корея, даже убивают собственных клиентов за формы поведения, в иных местах вовсе не считающиеся наказуемыми⁶.

Каждому мало-мальски способному предпринимателю не мешало бы это усвоить.

Если б было возможно предлагать услуги государства и одновременно избегать его недостатков – а именно роста налогообложения и мелочной опеки при постоянном изменении правил игры, – то создавался бы более качественный продукт. При успехе системы больше людей захотят сопоставимого. Для этого, конечно, понадобятся новые концепции. Если же любое новое начинание сразу отвергается как утопия, то вероятным следствием станет застой. Беда всех прежних государственных утопий в том, что добровольное участие в них вообще никогда не предусматривалось. Почти все такие утопии по сути своей тоталитарны, начиная от *Платона* с его царями-философами, диктатуры пролетариата у *Маркса* и кончая нынешней идеей *Великой трансформации*⁷. Просвещенное меньшинство стремится провести в жизнь свою точку зрения, независимо от того, одобряют ли ее все остальные или нет. Если заменить это меньшинство демократическим большинством, изменится только число людей, опекаемых против их воли, но не принцип.

А вот конкуренция, метод исследовательского соревнования между государственными устройствами, практически места не имеет. Наоборот, чтобы максимально исключить налоговое или системное соревнование, со стороны государств картельно форсируются международные соглашения. После распада Советского Союза коммунистическая модель практически уже не представлена на рынке общежития, однако и она действовала более семидесяти лет. Здесь перед нами возникает еще одна проблема: ввести новый «продукт» в этом сегменте рынка можно лишь путем прихода к власти, революции или сецессии. Поэтому даже проник-

³ Чисто идеальный спрос – опять-таки спрос на соответствующее предложение. Так, мы не без оснований говорим о «рынке женихов и невест». Здесь тоже есть и предложение, и спрос, и было бы самообманом полагать, что собственные интересы и надлежащее взвешивание предложенного не играют здесь роли, скажем с точки зрения привлекательности, статуса, общностей, происхождения, образования. Даже в дружбе действует рыночный закон: если одна сторона всегда только дает, а другая только берет, не предоставляя «взамен» даже благодарности и хорошей беседы, такая дружба долго не протянет. Ср. по этому поводу также Bökenkamp 2015.

⁴ Приблизительно это соответствует средней государственной квоте всех стран.

⁵ <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/165796/umfrage/haushaltssaldo-der-usa/>

⁶ Большой частью преступления кощунства против бога или божественных вождей, http://todesstrafe.amnesty.at/zahlen_fakten.php

⁷ В этом плане см. пугающие фантазии о всевластии у Шелльнхубера и др. (Schellnhuber 2011).

нуть на этот рынок крайне трудно. Знания о пригодности государственных форм накапливаются в течение поколений, и при жизни тех, кого они непосредственно интересуют, зачастую вообще недоступны. В демократических государствах обычно тоже нет отдушины для меньшинств, позволяющей внедрить иные модели, которые позднее, возможно, окажутся предпочтительнее. Одним из первых это признал *Патри Фридман*, создатель Института системдинга⁸:

Государственной индустрии могут весьма пригодиться инновации. Ведь любая форма власти рано или поздно костенеет. Организация сытых цивилизаций со временем становится консервативной, государство снижает производительность и одновременно взвинчивает цены. Это безусловно справедливо и для западных демократий⁹.

Для многих такая точка зрения совершенно непривычна. Идея, что государство и рынок суть две отдельные сферы и что нормально, если решения за нас принимает вождь или собрание мудрецов, кажется, вошла нам в плоть и кровь. Настолько, что мы даже не рассматриваем самоопределение как альтернативу. Проведем умозрительный эксперимент.

Допустим, мы создали новый сорт джема. И теперь можем побороться с другими, доказывая, чей джем лучше, можем организовать гражданские инициативы, общества и партии, которые будут ратовать за наш сорт. Постараемся привлечь на свою сторону СМИ, деятелей искусства, интеллектуалов и мощные группировки. Закажем экспертные заключения и анкетирование, чтобы доказать преимущество нашего джема над другими сортами. Короче говоря, станем проводить джемную политику. Смехотворно, не так ли? Ведь каждый волен покупать тот джем, который ему по вкусу! Тогда и выяснится, имеет ли наш сорт успех.

Но к мысли применить этот подход к нашему общежитию мы пока что не пришли. И по-прежнему азартно бьемся по поводу того, какой способ совместного существования «правильный» или «справедливый». Почему просто не признать, что все люди разные и то, что нравится А, отнюдь не обязательно должно нравиться Б?

Мы получаем улучшенные мобильные телефоны не потому, что можем как пайщики голосовать на общем собрании, а потому, что каждый может купить себе желанный продукт и спрос на мобильные телефоны более низкого качества в итоге сходит на нет. Поскольку так поступают все, ныне имеются превосходные и вполне доступные по цене аппараты. Даже беднякам в развивающихся странах доступны мобильные телефоны с широкими техническими возможностями. И все это так успешно функционирует потому, что поиски решения на рынке – процесс эволюционный, происходящий посредством мутации (пробы и ошибки), селекции (рентабельность или крах) и репродукции (подражание успешным решениям).

Этот испытанный механизм нужно применить и к системам человеческого общежития. Коль скоро каждый человек каждый день через свои покупательские решения соучаствует в определении того, каким продуктам существовать дальше, а каким нет, – не это ли демократия в смысле *власти всех*? По крайней мере, если сравнить с голосованием раз в несколько лет за политиков, чьи намерения никому точно не известны и чье перемещение на новый пост еще под вопросом.

Трактовка общественного устройства как «продукта» и мирная конкурентная борьба систем за граждан как «клиентов» позволит значительно разрядить существующие политические конфликты. При наличии достаточного числа альтернатив как государственные устройства, жидущиеся на происхождении и чувстве солидарности, так и те, что отвергают частную

⁸ www.seasteading.org

⁹ Friedman 2013.

собственность, являют собой всего лишь технические продукты, одни из многих. Это действительно верно, пусть даже их организаторы категорически отмечают подобный подход. Кроме того, если реализовать новые попытки на ограниченной территории и на добровольных началах, при неудаче ущерб будет обозримым, а в силу сознательной добровольности участников вполне приемлемым.

В XXI веке создание новых систем общежития не просто возможно, но вероятно. Еще в 1936 году *Стефан Цвейг* писал, что большинство никогда не доверит управление государством «терпеливым и справедливым», но всегда каким-нибудь лукавцам, которые придумывают великие судьбоносные вопросы, заранее зная на них ответы¹⁰. В истории человечества столько тому примеров, что, пожалуй, «терпеливым и справедливым» пора взяться за создание собственных сообществ. Шансы здесь весьма недурны. Ведь люди стали мобильнее. Поэтому в будущем родина станет для многих альтернативной. Вдобавок технологический прогресс предоставляет значительные возможности для формирования отдельных небольших групп. Одновременно сохраняется стойкий тренд к урбанизации¹¹. Большинство предпочитает жить в городах, а не на селе, и это тоже результат действия рыночных сил, который надлежит принять как таковой. В первую очередь здесь встает вопрос, как будут выглядеть города будущего, поскольку именно они – кульминация грядущих сообществ. Один из ответов – вольные частные города.

В первой части данной книги рассматриваются основополагающие проблемы, с которыми неизбежно сталкивается любой общественный строй. Отсюда вытекает описанная во второй части концепция вольных частных городов, а также их исторические и современные образцы. Третья часть посвящена конкретным вопросам, связанным с созданием вольных частных городов. И, наконец, в четвертой части дается перспектива будущего развития.

¹⁰ Цвейг (Zweig 1985): «Человечество, неизменно подвластное суггестивному, никогда не подчинялось терпеливым и справедливым, всегда только великим мономанам, которым хватало смелости объявить свою правду единственно возможной, а свою волю – главной формулой мирового закона».

¹¹ Исторически можно констатировать постоянное увеличение доли городского населения. Начиная с 2008 года впервые в истории городское население превышает сельское.

Глава 2. Право на жизнь по принципу самоопределения

Ни один человек не годится для того, чтобы управлять другим человеком без его согласия.

Авраам Линкольн, президент, который тем не менее так и делал

В 1957 году правительство Аденауэра вопреки рекомендациям многочисленных экспертов провело большинством в бундестаге решение о введении пенсионного страхования с рефинансированием. Участие в нем для преобладающего большинства занятых обязательно. С тех пор, несмотря на продление срока трудовой жизни, уровень пенсий снизился от целевых 60 % последней средней заработной платы до 48 %¹².

В 1999 году правительство Коля вопреки рекомендациям многочисленных экспертов провело большинством в бундестаге решение о введении в Германии евро как общей валюты Евросоюза. Мнения трудящегося населения, чья производительность сделала немецкую марку относительно стабильной валютой с соответствующей покупательной способностью, никто не спрашивал. С тех пор все правила стабильности евро были нарушены¹³. Фактически ныне Германия софинансирует погрязшие в долгах южные страны еврозоны, и соответствующие кредитные требования (в частности, сальдо по TARGET2), видимо, безнадежны¹⁴.

Правительство Шрёдера в 2001 году провело большинством в бундестаге решение об использовании бундесвера в Афганистане с целью стабилизации исламского режима, который, в частности, карает смертью переход в христианство¹⁵. Это задействование уже стоило жизни 54 немецким солдатам¹⁶ и обошлось налогоплательщикам почти в 10 млрд евро¹⁷.

В июне 2011 года правительство Меркель вопреки достигнутым немногим ранее договорным соглашениям заявило об отказе от использования атомной энергии. В результате резко поднялись цены на энергию, а федеральные земли и в конечном счете налогоплательщики оказались под бременем многомиллиардных компенсаций по убыткам энергетических концернов¹⁸.

В сентябре 2015 года правительство Меркель постановило открыть границы, так что в Германию хлынули массы преимущественно неквалифицированных молодых мужчин из развивающихся стран. Само правительство оценивает необходимые для этого расходы, особенно на социально-государственное содержание этих людей, в 100 млрд евро только на ближайшие пять лет, по другим оценкам данные затраты вдвое больше¹⁹. Ситуация с безопасностью в Германии с тех пор значительно обострилась. Общественные праздники в крупных немец-

¹² https://www.deutsche-rentenversicherung.de/Allgemein/de/Inhalt/Allgemeines/FAQ/Rente/_%20rentenniveau/rentenniveau.html Повышение пенсионного возраста с 65 до 67 лет полностью действует начиная с тех, кто родился в 1964 году, ранее – помесечными этапами.

¹³ Европакт о стабильности 1997 года ограничивал бюджетный дефицит 3 % валового национального продукта (ВВП), а государственный долг – 60 % ВВП. Поскольку пакт о стабильности никто не реализовал и не было никаких достоверных санкций, он превратился в фарс. Только в период до 2010 года отмечено 74 нарушения.

¹⁴ Sinn 2015, 235ff.

¹⁵ Хотя афганская конституция гарантирует свободу вероисповедания, судьи имеют право выносить приговоры согласно шариату, а по шариату отпадение от ислама карается смертью; www.ead.de/arbeitkreise/religionsfreiheit/nachrichten/einzelansicht/article/afghanistan-nato-verurteilt-todesurteil-gegen-afghanischen-christen.html

¹⁶ <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/153902/umfrage/in-afghanistan-gefallene-bundeswehroldaten>

¹⁷ <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/514343/umfrage/ranking-der-teuersten-aus-lanseinsatze-der-bundeswehr/>

¹⁸ www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/bundesverfassungsgericht-zum-atomausstieg-energie-konzerne-haben-anspruch-auf-entschaedigung-a-1124612.html

¹⁹ www.spiegel.de/politik/deutschland/fluechtlinge-bund-stellt-knapp-94-milliarden-euro-bis-2020-bereit-a-1092256.html; www.faz.net/aktuell/wirtschaft/wirtschaftspolitik/fluechtlinge-kosten-deutschland-bis-2017-rund-50-mrd-euro-14045355.html

ких городах зачастую можно провести только при принятии дорогостоящих мер безопасности; в особенности резко возросло число насильственных преступлений²⁰.

Не составит труда продолжить этот список или найти сопоставимые ситуации в других странах. Но что общего у всех этих процессов?

Во-первых, незначительное меньшинство на основании собственных оценок и предпочтений приняло решения, касающиеся всех людей в сфере их господства.

Во-вторых, это меньшинство, если его решения приведут к финансовому или иному ущербу, может не опасаться для себя никакого экономического убытка.

В-третьих, бремя реализации решений ляжет прежде всего на тех, кто был не вправе участвовать в решении.

Этому основному механизму ничуть не мешает, что необходимо одобрение парламента или подключение дополнительных организаций.

Приведенные примеры – лишь малая выборка. Практически проблема охватывает все сферы жизни. От рождения до смерти – на все случаи жизни установлены правила, причем не играет роли, сделали ли бы люди, которых они касаются, такой выбор, если бы могли решать сами. В принципе система целиком построена на том, что А решает, что должны делать Б и В и сколько они должны заплатить Г (и А). В других сферах жизни, однако, человек вполне может решать сам за себя. Например, чем ему питаться, какую выбрать одежду, какую машину, каких друзей и какого брачного партнера. Он решает, куда поехать, как вложить свои деньги, какие страховые соглашения заключить, в какой цвет покрасить свое жилище. Он выбирает, на какие цели жертвует средства, какие у него хобби и какие электронные приборы он себе приобретет. Он определяет, какого мнения придерживается и какие общества и инициативы поддерживает, где и по какой профессии работает, хочет ли иметь детей или нет. Очевидно, человек в состоянии принимать все эти решения под собственную ответственность. Так почему же и в других областях он не может решать сам? Например, как ему заранее позаботиться о своей старости, какие платежные средства предпочесть, какие политические задачи поддерживать, из каких энергетических источников получать электроснабжение, с кем вместе жить и кого содержать. Поясним на примере.

Представьте себе, что вы живете в автомобильной демократии. В такой демократии каждый имеет право, но и обязанность купить автомобиль. Как выглядит этот автомобиль, какой у него двигатель, какая оснастка и какой цвет, решает демократически избранное автомобильное правительство. Оно же определяет, какую цену вы должны заплатить. То и другое зачастую не нравится. Тогда выбирают другое правительство, с другими предпочтениями, которые оно навязывает покупателям автомашин. Постоянно царит разлад по поводу качеств этого единого автомобиля; несчетные производители и поставщики содержат

²⁰ Было бы чудом ожидать чего-то иного, кроме роста уровня преступности, ведь подавляющее большинство мигрантов составляют молодые мужчины, которые так или иначе повсюду сверхпропорционально участвуют в насильственных преступлениях. К тому же они прибывают из стран, где уровень преступности намного выше, нежели в Германии. Попытки политиков и СМИ завуалировать сей факт посредством «творческой» трактовки статистических данных можно назвать только обманом себя и других в особенно тяжелой ситуации. Цифры однозначны: www.tichyseinblick.de/gastbeitrag/sind-migranten-ebenso-kriminell-wie-deutsche/; www.tichyseinblick.de/tichys-einblick/auslaenderkriminalitaet-die-gewaltspirale-dreht-sich/; www.tichyseinblick.de/gastbeitrag/veraenderung-der-kriminalitaet-durch-die-fluechtlingskrise/

лоббистов в правительственных кругах, чтобы их продукт был встроены в модель автомобиля данного правительства. Различные группировки, предпочитающие различные виды двигателей, опять-таки пытаются влиять на парламент и правительство. Несчетные автомобильно-политические группировки заявляют, что не могут платить полную цену, и потому стараются добиться льгот. Несколько лет назад внедрили второй тип автомобилей, более дешевый, с оснасткой попроще. Многие интеллектуалы выступают с критикой: мол, таким образом возникло двухклассовое общество. Но в одном все они согласны: система, конечно, не лишена недостатков, однако ничего лучшего нет. Ведь какова может быть альтернатива? Только автомобильный диктатор или автомобильный король, которого не выбирают демократически и который устанавливает, какой тип автомобиля и по какой цене надлежит продавать всем. Так уже было раньше, а в те времена никто возвращаться не хочет. Мысль, что люди могут из многих предложений и производителей выискать себе автомобиль, который им больше всего нравится, с оснасткой, которая им больше всего подходит, гражданам автомобильной демократии вообще в голову не приходит. Она настолько нелепа, что общественность ее даже не обсуждает.

Мы действительно живем в такой системе. Надо просто заменить слово «автомобиль» на «государственные услуги и активы». Налогоплательщики обязаны финансировать ассигнования на неэкономичные технологии, государственные телецентры и военные акции за рубежом, кафедры гендерных и богословских исследований, даже если они все это отвергают. Далее, граждане, независимо от их желания или нежелания, вынуждены заключать договоры пенсионного страхования, страхования на случай болезни и по уходу за больными. Они не вправе приобретать электролампочки, мощные пылесосы, пластиковые пакеты или сигареты без предупреждений об опасности. И список запретов и приказаний год от года растет. Иными словами, граждане не клиенты, а подданные. Как же так и почему большинство из нас не видят в этом ничего дурного?

Новая концепция суверенитета

Дело в том, что мы по-прежнему привержены к концепции государства и суверенитета, возникшей в эпоху абсолютизма. Понятие суверенитета во внутригосударственной сфере применяется, чтобы обозначить верховную компетенцию осуществления власти в государстве²¹. По исконной концепции этот суверенитет присущ монарху²². В демократических государствах он, согласно официальной трактовке, передан народу, причем суверенитет народа большей частью исчерпывается одноразовым принятием конституции²³, а также участием в выборах и ocasionальных референдумах. Вчерашний мир знал монархических суверенов, а сегодняшний состоит из коллективных суверенов, причем коллективы делегировали свою власть органам, которые в конечном счете – как показывает опыт – все больше отстаивают лишь собственные интересы²⁴.

²¹ Внешний суверенитет есть право юридического лица, каково бы ни было его внутреннее устройство, урегулировать собственные дела независимо от других государств. Он создается через формальное признание другими государствами.

²² Эту концепцию приписывают французскому теоретику государства Жану Бодену (Jean Bodin, 1529–1596).

²³ В Федеративной Республике Германии «суверену» не позволили даже проголосовать по поводу собственной конституции.

²⁴ Beattie 2005, 228f.

Вернемся к автомобильному примеру: разве же не замечательно, если бы вы сами могли решить, какую купить автомашину, с какой оснасткой и сколько за нее заплатить? Или если бы вы могли вовсе отказаться от покупки машины? Ведь вообще-то диктатор или монарх, самовластно и без судебного контроля предписывающий некий автомобиль, отнюдь не единственная альтернатива демократическим выборам правительства, назначающего тип автомобиля. Существуют не только альтернативы со-определения или стороннего определения. Есть еще один вариант – самоопределение.

Почему вообще группа посторонних людей должна решать, как вам жить? В особенности если вы их не выбирали, не давали им поручения, а вдобавок они не очень-то и годятся для таких целей. Вы можете, например, считать, что имеете полное право формировать свою жизнь и ее обстоятельства по собственному усмотрению, а если хотите чего-то от других, то реализуете свое желание на основе добровольного обмена услугами. Вы хотите не со-определения, а самоопределения. Отсюда следуют два общих принципа.

Во-первых, тот, кто не наносит ущерба другим, имеет право быть оставленным в покое, в том числе и правительством, и большинством.

Во-вторых, человеческое взаимодействие происходит на добровольной основе, а не на основе принуждения, в том числе и в больших группах.

Нынешние государства не только не могут гарантировать ни один из этих принципов, скорее они основаны на их нарушении: обладая монополией власти, правительство осуществляет то, что ему хочется, а платить должны вы, независимо от того, нравится вам означенный проект или нет. Так обстоит и в западных демократиях. Смена диктатуры одиночек диктатурой партийных олигархий или большинства, безусловно, не конец истории. Свобода²⁵ и основанное на принуждении господство несовместимы. Легитимировано ли это господство демократически или нет, для данного вывода значения не имеет. Свободе требуется добровольность.

Человек, проживающий в государстве, обязан – согласно традиционной трактовке – выполнять все его правила, какие бы законы государственные органы ни устанавливали или ни меняли. Конфликтные ситуации разрешают опять-таки государственные суды. Такое стороннее определение доходит до того, что даже отказ от гражданства ничего изменить не может. Скажем, человек, уезжающий из Германии, должен не только заплатить налог на переселение, но и обязан следующие десять лет платить налоги на доходы со всех немецких имущественных ценностей, даже если откажется от немецкого гражданства²⁶. При отказе от гражданства США тоже надо уплатить налог на переселение, а также четырехзначную сумму «сбора за прохождение и обработку документа»²⁷. Франция, которая уже много лет в большом количестве теряет граждан-налогоплательщиков, сознательно ставит таким людям бюрократические рога.

²⁵ Что есть свобода? Просто-напросто отсутствие принуждения. А принуждением мы называем здесь действия третьих лиц. Таким образом, свобода подразумевает право на действия по принципу самоопределения. Если другие люди принуждают меня к действиям, каких я бы иначе не совершил, я несвободен – например, когда вынужден платить налоги на нежелательные цели. Если другие люди удерживают меня от действий, какие я бы иначе совершил, я несвободен – например, когда не могу высказать негативное мнение об определенных группах населения. И наоборот, действия, вызванные причинами, не связанными с другими людьми, не являются ограничением свободы. Если я не хочу умереть с голоду, то, прожив некоторое время без пищи, я должен поесть. Голод не оставляет мне выбора, но это не «принуждение» в смысле нашего определения, поскольку имеет естественные причины, не связанные с другими людьми. Тот, кто по собственному решению отправится в пустыню, заплутает там и в итоге умрет от жажды, погибнет как свободный человек.

²⁶ Так определено § 2 немецкого Закона о налоге с предпринимателей, связанных с иностранными государствами: www.gesetze-im-internet.de/astg/ 2.html

²⁷ В настоящее время 2 350 долларов США, <https://www.investopedia.com/articles/personal-finance/060515/why-people-renounce-their-us-citizenship.asp>

Давняя подруга, больше десяти лет состоявшая в браке с мoneгаском, получила монакское гражданство и потому решила отказаться от французского. Ей пришлось подробно мотивировать свой шаг, мало того, ее даже вызвали на беседу в некую комиссию, которая в конце концов предложила ей на глазах у всех присутствующих разрезать свой французский паспорт. На это она, впрочем, не пошла, положила паспорт на стол и откланялась.

Подобные ситуации напоминают скорее выкуп на свободу из крепостной зависимости, чем прекращение отношений между равными. Уместно заметить, что в приведенных примерах мы говорим о трех государствах, именующих себя оплотом свободы. Ни один производитель услуг не обращается так со своими клиентами. Если человек увольняется, он большей частью получает письмо, где с сожалением подтверждается прекращение действия договора. Нередко его спрашивают, в чем причина, где он нашел лучшие условия, и говорят, что будут рады, если он вернется. Иногда ему даже предлагают более выгодные условия, если он не станет увольняться. Подобное цивилизованное, благожелательное отношение к клиенту не мешало бы перенести и на рынок общежития. Как это сделать?

Самоопределение

Соблюдая отказ от применения силы против других, каждый человек вправе жить так, как он считает правильным²⁸. Этот вывод неизбежен, коль скоро мы желаем достичь долгосрочного мирного общежития. Ведь все прочее означало бы предоставить определенным людям или большинству больше прав, нежели остальным. Поскольку каждый хочет быть успешным в своих действиях – а это возможно, только если не препятствуют третьи лица, – он со своей стороны должен быть готов не вмешиваться в действия других. Таково *золотое правило*, согласно которому следует поступать так, как ожидаешь от других (позитивный вариант), или не причинять другим того, чего не хочешь испытать сам (негативный вариант). Второй вариант заходит не слишком далеко, и потому его легче выполнить²⁹. Он приблизительно сформулирован в афоризме:

Что сам ненавидишь, того не делай другому. (Товит 4:16)

Ниже имеется в виду именно этот вариант. *Золотое правило* как руководство к действию известно еще с Античности. Универсальность его применения обусловлена тем, что оно не требует обращения к божественным заповедям, якобы естественному праву или концепции самособственности. Речь просто идет о проявлении взаимности: как ты мне, так и я тебе³⁰.

Кантов *категорический императив* в конечном счете тоже зиждется на подобной универсализации собственных суждений, причем там со ссылкой на максимы действия проводится различие между чисто субъективными и чрезвычайно разнящимися от человека к человеку склонностями и интересами, с одной стороны, и универсальными свободными пространствами, а также границами оных, с другой³¹.

²⁸ Соответствующие исключения касаются тех, чья познавательная способность объективно ограничена, например детей, слабоумных или душевнобольных.

²⁹ Отчасти поэтому его называют «серебряным правилом».

³⁰ Золотое правило тоже несовершенно. Строгая взаимность означала бы, что мазохистам разрешено мучить других, так как сами мазохисты хотят, чтобы их мучили. Впрочем, такие особые случаи ничего не меняют в общей применимости золотого правила.

³¹ «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». Так писал Кант в «Основах метафизики нравственности» 1785 года (Kant 2008). Толкование и точное значение категорического императива, однако, спорны. Для наших целей достаточно понимания золотого правила.

На самом деле, разумеется, мы бы уже очень много выиграли, если бы соблюдалось по меньшей мере *золотое правило* в представленной здесь форме. Ведь в таком случае никакие институты, никакая политика, религия или большинство не имели бы права указывать человеку – против его воли в сугубо частной его сфере, – как ему надлежит себя вести. А ведь означенные институты именно так и действуют, хотя это чистейшая самонадеянность. Только я имею право определять собственную жизнь, предоставляя такое же право и другим, то есть мой образ жизни базируется на универсальных, равно предоставленных каждому человеку разумных основах (Кантовых максимах). Я могу добровольно делегировать это право и по тем или иным причинам подчиниться правилам политических, этических или религиозных идей либо отдать себя под защиту некоей власти, но всякое принуждение к этому есть бесправие. Приведу пример.

Сомалиленд – более-менее функционирующее сообщество на севере Сомали (в прошлом Британский Сомалиленд), образовавшееся после развала государственного порядка в Сомали и желающее продолжить свое существование. В США я как-то раз спросил сомалийца-таксиста насчет Сомалиленда. Он нисколько не сомневался, что жители Сомалиленда не вправе создавать собственное государство. На мой вопрос почему, он ответил: «Потому что этого не хотим мы, остальные сомалийцы». Если я в Европе выдвигаю довод, что единомышленники все же должны иметь право жить в собственном сообществе, где, например, не происходит перераспределения, то зачастую мне отвечают примерно так же, как сомалиец-шофер: «Так нельзя, потому что “мы” этого не хотим». Соответственно то же касается и общего отвергания сецессий.

Общества, которые не признают за индивидом права на самоопределение, включающего решение, с какими именно людьми и в какой форме он желает сосуществовать, в известном смысле по-прежнему нельзя назвать свободомыслящими. Они не смогут достичь продолжительного мирного общежития, вместо этого будут вести бесконечную борьбу вокруг того, чего «мы» хотим и что хорошо для «нас всех». Но тот, кто отказывает людям в праве на самоопределяемую жизнь, попросту авторитарен, даже если именует себя либералом или демократом.

Как же одиночка может осуществить право самостоятельно формировать свою жизнь? Этот вопрос возникает в связи с тем, что в обозримом будущем уже только по соображениям безопасности нормой станет объединение в сообщество, а именно в государство или сходную структуру. Конечно, вполне возможно влачить анархическое существование отшельника вдали от цивилизации, но почти все люди предпочитают обмен и совместную жизнь с другими людьми. Проблему самоопределения можно разрешить или хотя бы разрядить, если возникнет подлинный рынок «государственных услуг». Нынешние две сотни стран на семь миллиардов населения с их во многом одинаковыми или сходными системами можно бы дополнить тысячами независимых или частично автономных сообществ. В результате каждому индивиду стало бы легче просто покинуть плохую систему, вместо того чтобы раз в несколько лет оказывать не поддающееся измерению влияние, отдавая свой голос на выборах. Государствам как производителям услуг пришлось бы конкурировать между собой, привлекая клиентов, а не рассматривать своих граждан как дойных коров и подопытных кроликов, на которых они опробуют идеи улучшения мира. Интегрировать новые модели общежития в существующие национальные государства или в наднациональные ценностные и культурные сообщества не составит труда. И до поры до времени даже рекомендуется, в первую очередь по оборонно-техническим соображениям. Такие новые сообщества предоставляли бы свои услуги за плату, например безопасность, судопроизводство, подключение к инфраструктуре. Совокупные права и обязанности, в том числе назначенная за них плата, закреплялись бы – как и на других рынках – в

договоре, который в одностороннем порядке изменить нельзя. Кроме того, каждый имел бы возможность выбрать, какие модули услуг он примет от их производителя, то есть от государства, и соответственно заплатил бы за них. Вот почему дело вовсе не в том, нравятся ли эти сообщества всем или некоему большинству. Главное, что участие, как и всегда в договорных отношениях, зиждется на добровольности.

Те, кто все это отвергает, останутся в традиционных системах. Для многих людей система, основанная на собственной ответственности и самоопределении, может оказаться попросту неподходящей. Им требуются руководство, нормы жизни, а также постановка целей. Подобное решение тоже надо уважать. Хотя в будущем следует признать суверенитет исключительно за индивидом, пусть даже он не желает им пользоваться.

Итак, каждый в принципе *сам себе суверен* и высшая инстанция по урегулированию собственных дел, как внешних, так и внутренних. Этот выигрыш в самоопределении при одновременно более высоком качестве услуг по более низким ценам будет столь привлекателен, что сможет изменить даже существующие системы, причем не понадобится ни насилия, ни революции, ни победы на выборах.

Такой суверенитет индивида, разумеется, полная противоположность всем коллективным идеям политического или религиозного характера, которые требуют, чтобы люди отказались от желания самостоятельно распоряжаться своей жизнью в пользу общего блага или божественного порядка. Однако же они зачастую умалчивают, *кто* именно определяет общее благо или божественный порядок. А определяют его исключительно представители самих этих идей. Причем образ их действий случайно соответствует их собственным интересам и предпочтениям. Нередко они стараются утаить это даже от самих себя. По сути, все нынешние системы в основе своей ограничивают власть правителей, однако вообще не ставят под сомнение легитимность господства над другими людьми. В иных областях такой подход давным-давно устарел. Там мы имеем право сами решать, как нам обустроить свою жизнь. А необходимую помощь получаем от производителей услуг.

Вернемся к первоначальным примерам: речь шла о пенсионном страховании, введении евро, энергетическом повороте, открытии границ и использовании военного контингента за рубежом. В договорно регулируемом обществе услуг государственный оферент не смог бы задним числом принудить вас ни к участию в определенной системе пенсионного страхования, ни к обмену ваших денег на нежелательную для вас валюту. За исключением некоторых экологических предписаний и предписаний по технике безопасности он не смог бы повлиять и на то, кто и на каких условиях предлагает электроснабжение. Конечно, он мог бы изменить критерии иммиграции, но ни в коем случае не мог бы обязать вас нести финансовую ответственность за ее последствия. Более того, ему самому пришлось бы возмещать ущерб, коль скоро его действия ухудшили ситуацию с безопасностью. А если бы вам захотелось поддержать военные интервенции в других регионах мира, чтобы вмешаться в чужие раздоры, воля ваша. Вмешивайтесь. Однако за собственный счет.

Глава 3. Три новые страны – готовы к разнообразию?

Нет худшей тирании, чем заставлять человека платить за то, чего он не хочет, просто оттого, что, по-вашему, ему это на пользу.
Роберт Хайнлайн, писатель-фантаст

Представьте себе, что в Европе будущего, признающей самоопределение индивида, в нескольких местах образовались новые страны. Рассмотрим три из них поближе.

Лесные сородичи

Страна *Лесных Сородичей* называется так потому, что эти люди поселились в краю, богатом лесами. Они организуются в отдельные поселения, которые делятся, когда численность населения достигает более 150 человек. Каждая деревня состоит из общественных и индивидуальных построек. За пределами собственного жилища все находится в общественной собственности. Обитатели заботятся о больных и стариках. В принципе в сообществе царит свободная любовь, даже после возникновения пар. Детей воспитывает все деревенское сообщество. С пятнадцатилетнего возраста молодежи предоставлено сексуальное самоопределение. Лесные Сородичи стремятся жить как можно ближе к природе, не загрязняя окружающую среду. Довольствуются тем, что обеспечивают себе необходимое для жизни. С другими деревнями ведется меновая торговля, нередко делаются закупки и во внешнем мире. Управляют поселениями деревенские старосты, как правило зрелые женщины. Вопросы о приеме новых поселенцев и проч. жители решают на демократической основе.

Карола Б., основательница Лесных Сородичей и староста первого поселения, разъясняет: «Такова наша модель: рай без роста. Нам нужна не свобода, но общность. У нас меньше материального благосостояния, зато больше социального тепла. Человек не годится для анонимного массового общества и оттого несчастен. Зачем все это потребление, приобретательство и все больший рост ради повышения жизненного уровня? Затем что мужчины хотят произвести впечатление на женщин. А почему мужчины хотят произвести впечатление на женщин? Потому что хотят с ними секса. И если теперь могут получить его без всякого стресса, без разрушения окружающей среды, без нажима конкуренции и стремления быть все сильнее, все значительнее, все лучше, то они куда уравновешеннее и счастливее! Конечно, мы знаем, что кое-кто из нас имеет опору, а то и состояние где-то еще. Но если кто-либо зарабатывает деньги во внешнем мире, а потом селится у нас и привозит с собой их часть и отдает общине, все в полном порядке».

Княжество Христо

Княжество Христо принимает исключительно белых поселенцев-христиан. Жители выбирают пожизненного князя, а он назначает правительство. Князь, правительство и народ могут предлагать законопроекты, утверждаемые путем прямой демократии. Княжество разделено на общины, обладающие широкой автономией и отвечающие также за социальное обеспечение, которое может разниться от общины к общине. Жители считают, что за социальное обеспечение в первую очередь ответственна семья, во вторую очередь – церковь и только в третью – община. Те, кто получает доходы из-за границы, и госслужащие исключены из избирательного права, во избежание конфликтов интересов. Идеал – традиционная семья, где мужчина – глава и главный кормилец. Аборты допустимы лишь в самых исключительных случаях. За каждого ребенка семьи получают дополнительный голос на выборах и референдумах. Для

всех мужчин существует воинская повинность, границы охраняются армией. Личные и экономические свободы довольно высоки, правда различны от общины к общине. Ожидается, что по воскресеньям все ходят в церковь.

Мартин С., основатель княжества и первый выборный монарх, сообщает: «Пресса мейн-стрима сплошь да рядом описывает нас как модель позавчерашнего дня, расистскую и сексистскую. Но на самом деле народ к нам валом валит, кандидатов пруд пруди. Кстати, мы вовсе не против других этносов или религий, пусть они счастливо живут в собственных общинах. Однако мы хотим избежать судьбы евреев, нам вовсе не улыбается тысячу лет пребывать в роли угнетенного меньшинства, прежде чем мы надумаем объединиться в собственное государство. Мы хотим жить так, как живем, и хотим, чтобы так и оставалось. Люди у нас прилежные, интеллигентные. Поэтому мы можем идти в ногу со временем в сфере высоких технологий и соответственно экспортировать то, что в свой черед обеспечит нам высокий жизненный уровень. Наши семьи в полном порядке, рождаемость стабильна, и сплоченность в общинах вполне хорошая. Христианскую веру мы считаем важной, поскольку она сплачивает общество. Уровень преступности у нас низкий. Конфликты между общественными группами – редкость. Мы считаем, что фактор успеха – наша этническая и конфессиональная гомогенность».

Джетсония

Джетсония – это крупный независимый город, которым управляет частное предприятие, обеспечивающее также его безопасность. Каждый житель платит установленный ежегодный взнос. За это предприятие предоставляет ему инфраструктуру, силы безопасности, спасательные службы и систему регулирования споров. Подробности регулируются договором, заключаемым между предприятием и каждым отдельным жителем. Предприятие не вправе менять этот договор в одностороннем порядке, а расторгнуть его можно, только если житель нарушил свои договорные обязательства. Споры по этому поводу рассматриваются независимым третейским судом. В остальном обитатели могут поступать как им заблагорассудится, куда они не наносят ущерба другим. В городе действуют широкая свобода слова и заключения договоров. Нет ни политики, ни парламента, ни центрального банка. От всех случайностей жизни горожане по желанию застраховались частным образом или организовали группы взаимопомощи, будь то с целью защиты от болезней, смерти, потребности в уходе или от несчастных случаев. Каждый может без разрешения или лицензии предлагать новые продукты и услуги и принимать в оплату любую желаемую валюту. Для опробования новых идей в Джетсонии учреждена так называемая *анкап-зона*, где жители не платят ни гроша, но сами заботятся обо всем, в том числе о правилах своего общежития.

Пресс-атташе предприятия, Франк К., заявляет: «Большинство здесь не желает никаких политических или религиозных директив насчет того, как им жить. Поскольку плотность регламентации в Джетсонии минимальна, мы сумели создать множество инноваций и достичь высокой производительности. Людей не стравливает никакая политика, им вообще незачем думать о политике, ибо ее не существует. С другой стороны, им нет нужды опасаться и постоянных столкновений с новыми правилами. Поскольку у нас господствует свободная торговля, а стало быть, каждый может беспощинно импортировать что угодно, и, кроме ежегодного взноса, никаких налогов ему платить не нужно, у малоимущих тоже высокий жизненный уровень. Мы не имеем валюты, которой можно манипулировать, поэтому покупательная способность наших жителей постоянно растет. Обеспечение по старости планируется и позволяет выйти на пенсию в любой момент, когда заинтересованное лицо сочтет достигнутый уровень достаточным. В принципе к нам может приехать из любой точки мира любой человек, который способен себя обеспечить и принимает наши основные правила. Однако мы внимательно изучаем претендентов; преступные элементы, а также политические или религиозные экстремисты либо сразу

же получают отказ, либо очень быстро покидают наш город. Касательно соблюдения наших немногочисленных правил действует принцип нулевой толерантности. Перераспределения у нас нет, как нет минимальной заработной платы и гарантий от увольнения, все решается напрямую между участвующими сторонами или их представителями. Я спрашиваю вас: если мы такая скверная эксплуататорская система, почему столько людей со всех концов света добровольно едут к нам?»

* * *

Таковы три совершенно разные системы общежития. Объединяет их вот что: во-первых, добровольное участие. Во-вторых, в нынешней Европе у них нет шансов возникнуть. Ведь их невозможно согласовать с господствующим порядком или моралью. Но что дурного, если люди, которым этого хочется, организуются иначе, нежели кажется правильным большинству? Неужели вправду стоит стремиться к тому, чтобы мир повсюду выглядел одинаково? Может быть, оптимальной системы для всех вообще не существует? Может быть, даже и для одиночек? Почему бы молодому человеку не провести несколько лет у *Лесных Сородичей*, из идеализма и чтобы набраться сексуального опыта. Потом он может отправиться в *Джетсонию*, чтобы создать себе экономическую базу, сколотить состояние и обеспечить старость. А вечер жизни он проведет в *Княжестве Христо*, где будет хорошо чувствовать себя в защищенности, среди таких же, как он сам.

Готовы ли мы допустить все три модели? Если нет, тогда *мы сами* проблема для плодотворного сосуществования всех людей, мы, а не политики, не крупные концерны и не сверхбогачи. Ключ к мирному сосуществованию – не препятствовать другим быть счастливыми на их собственный лад.

Глава 4. Основные вопросы человеческого общежития

*У нас чувства каменного века, средневековые институты и богоравная техника.
Эдуард О. Уилсон, исследователь муравьев*

Коль скоро мы хотим улучшить традиционные институты нашего общежития, нам надо сначала разобраться, почему люди живут сообща в определенных формах, что ими движет и какую роль играют определенные учреждения. Это позволит выявить, какими качествами могли бы обладать успешные и мирные новые системы общежития, которые не нуждаются ни в «новом человеке», ни в каком-либо ином изменении нашего эволюционного облика.

1. Что нами движет?

*Покажи мне стимулы, и я предскажу результат.
Чарли Мангер, легенда инвесторов*

Человек всегда и везде реагирует на стимулы, независимо от того, обладает он свободной волей или нет. Кто этого не понимает, не способен понять мир. Когда определенный результат выглядит нежелательным или сомнительным, стоит непременно спросить себя, какие стимулы к действию здесь имели место. Заложив в основу такой посыл, мы найдем и ответы на вопросы, почему западные системы оказались в столь трудном положении и почему в других регионах мира альтернативы тоже по-настоящему не работают. В некотором смысле врожденный главный стимул каждого человека – повышать свое благополучие; в этом плане он ничуть не отличается от прочих млекопитающих. По удовлетворении основных человеческих потребностей это означает: повышение уровня жизни. Причем к уровню жизни относятся не только материальные вещи, но и нематериальные привилегии: такие, как власть, влияние, опыт, а в особенности общественное признание³². Всегда есть отдельные аскеты, которые по моральным или разумным соображениям умеют противостоять стимулам к повышению своего благополучия, однако это редкие исключения, да и в подобных случаях имеются стимулы и целевые установки, в итоге объясняющие поступки означенного лица. Стремление к максимизации своекорыстия свойственно также и избранным или назначенным представителям государства, например политикам и чиновникам. У них, разумеется, нет возможности посредством прямых доходов генерировать экономический успех, однако в силу своего положения они вполне могут повысить и свои доходы, и влияние. Что они и делают³³. То же относится и к представителям Церкви и иным служителям институционализированного общественного блага, они, как правило, тоже действуют своекорыстно. Человек, который, помогая другим, чувствует себя лучше, действует (опять-таки) своекорыстно. Здесь нет ничего предосудительного, важно только понимать сей факт.

Наличие верных или неверных стимулов объясняет почти всё.

Тому, кто вкладывает большие деньги в предприятие, чьи основатели и управляющие вообще своих денег туда не вкладывали, не стоит удивляться, если дело потерпит неудачу.

³² Ср. пирамиду потребностей Маслоу.

³³ Примерно то же утверждает так называемая теория общественного выбора, ср. Buchanan/Tullock 1962. Согласно этой теории политически ответственные лица думают прежде всего о своей индивидуальной выгоде, а уже потом о всеобщем благе.

Тому, кто выплачивает социальные льготы за безделье или просто за рождение детей, причем стоимость этих льгот приблизительно равна или выше заработной платы, которую низкоквалифицированные работники могут получить на рынке, не стоит удивляться, что эти люди не работают и работу не ищут.

Тому, кто облагает предприятия высокими налогами, полностью регламентирует их деятельность и даже предписывает, кого им нанимать на работу, не стоит удивляться, если больше никто не захочет становиться предпринимателем.

Тому, кто дает политикам власть и не оговаривает ни малейших экономических санкций, каким они подвергнутся, если что-нибудь пойдет не так, не стоит удивляться, что они принимают безответственные и плохие решения.

Тому, кто открывает свои границы для мигрантов со всего мира и обеспечивает этим мигрантам социальные льготы, превышающие средний заработок в странах, откуда они явились, не стоит удивляться, если легионы людей будут прибывать без конца, пока в итоге не рухнет внутренняя безопасность и социальные системы.

Все это относительно простые причинно-следственные взаимосвязи. Их можно игнорировать, но нельзя игнорировать последствия такого игнорирования. Перманентное использование неверных стимулов – одна из главных причин слабости нынешних политических систем. Однако возникают неверные стимулы не по глупости, а потому, что сама структура наших политических систем соблазняет политиков их выдвигать. Рассмотрим это на примере социального государства.

А. Социальное государство и ошибочная структура стимулов

Благотворительность считается первой христианской добродетелью. Однако, если ее трактуют как инструмент равенства и как закон и возводят в государственный принцип, она становится изъяном общества. В таком случае она – обращение принципа, что каждый человек должен сам производить то, что потребляет. Поэтому ее результат всегда непродуктивное потребление. Избыточная опека над бедными прямо-таки возвращает бедность, расхолаживает людей, не способствуя самопомощи и перекладывая ответственность на государство, убивает желание работать, прилежание, бережливость и поощряет безделье.

Герман Ренч, руководство по национальной экономике, 1866 г.

Социальное государство³⁴ многие считают совершенно необходимым завоеванием современных государств. Ведь оно защищает от таких жизненных рисков, как голод, болезнь и бед-

³⁴ Под социальным государством следует понимать принуждение к участию и взносу в сфере пенсий, здравоохранения и безработицы или же их спонсирование через налоговые средства. Наряду с этим происходит перераспределение посредством финансируемого из налогов основного обеспечения неимущих (социальная помощь), а также не подлежащих возврату пособий и субсидий по различным случаям. Сюда же добавляются многообразные предписания в пользу определенных групп, особенно в трудовом праве.

ность, и обеспечивает каждому человеку достойное существование. Эти цели вполне почетны и возражений не вызывают. Но социальное государство не годится для того, чтобы постоянно их достигать. В конечном счете оно ведет к краху, лишает свое население дееспособности и служит причиной асоциального поведения. То есть в результате ухудшает обстоятельства, которые хочет преодолеть. Поэтому дни социального государства сочтены, хотя сейчас у него еще очень много сторонников. Его существенный минус – систематическое использование неверных стимулов. Как политика, так и управление и получатели услуг подвержены воздействию множества стимулов использовать систему в собственных интересах. Социальное государство таким образом тоже подлечит *трагизму альменды*³⁵.

Неверные политические стимулы

В политике серьезнейший неверный стимул – покупка голосов посредством социальных благосостояний. Иначе говоря, краткосрочный подкуп избирателей без учета долгосрочных последствий: повышение пособия на детей, снижение пенсионного возраста, расширение услуг по страховке на случай болезни, увеличение социальной помощи и т. д.

Самую крупную победу на выборах в истории ХДС одержал в 1957 году Конрад Аденауэр. Это ему удалось, потому что вопреки очевидным сомнениям экспертов он внедрил в пенсионном страховании чистый метод распределения и таким образом сумел сразу значительно поднять средний размер пенсий. В дальнейшем так и продолжалось, как в Германии, так и в других странах³⁶. Под аплодисменты избирателей и СМИ каталоги социальных услуг постоянно расширялись, а уровень услуг повышался. Политики, поддерживающие сокращение услуг, рано или поздно сходят со сцены.

Следующий неверный политический стимул – расширение власти через расширение социального государства. Чем больше сфер отводится государству, чем больше становится потребителей услуг, тем сильнее политика. Вот почему она и стремится достичь именно этого, независимо от последствий. Данный стимул был изначально заложен в основу создания социального государства. Вопреки бытующему мнению, современное социальное государство отнюдь не достижение социал-демократии. Вообще-то его насадил сверху немецкий канцлер Бисмарк в конце XIX века с целью ослабить властную позицию профсоюзов и усилить привязанность рабочих к государству. Место социальной самопомощи в профсоюзах и профобъединениях заняло патерналистское принудительное решение. В независимых, имущих рабочих Бисмарк видел политическую угрозу³⁷. Соответственно социальное государство все больше расширялось. В Германии обязательное страхование на случай болезни первоначально распространялось только на рабочих с низким уровнем дохода, но постоянно расширялось. В 1927 году добавилось страхование от безработицы. В 1995-м ввели обязательное страхование по уходу за больными. И наконец, с 2009 года все живущие в Германии обязаны иметь страховку на случай болезни. Люди свободных профессий и те в принудительном порядке должны заключать договоры пенсионного страхования, за ними наверняка последуют остальные не работающие по найму. Хотят ли они этого, никого не интересует.

Неверные бюрократические стимулы

Неверный стимул для администрации – оплата неудач. Больше социальных проблем, больше нуждающихся – для социальной бюрократии это означает увеличение бюджетов и рост

³⁵ Под альмендой в Средние века понимали коллективную собственность общины, зачастую пастбища. Поскольку оно принадлежало всем и никому, каждый пытался пасти там свой скот, чтобы побережь собственные угодья. Результатом было регулярное перетравливание пастбищной альменды.

³⁶ Наглядный список см. Habermann 2013, 252f.

³⁷ Habermann 2013, 182.

числа сотрудников. Поскольку всякая бюрократия стремится расширить свою власть и влияние, у нее постоянно есть импульс не решать проблемы или объявлять их решенными, но делать прямо противоположное. Если повышаются цены на бензин, обсуждают, например, не снижение налога на нефть, которое облегчило бы «социально ущемленным» возврат к участию в дорожном движении. Вместо этого предлагается ввести для них пособия или талоны на бензин, поскольку для этого требуется еще одно ведомство и увеличивается власть администрации и политики. Значительная часть социальных затрат идет, таким образом, уже вовсе не на нуждающихся, а напрямиком в постоянно растущую машину перераспределения.

Неверные стимулы, соотнесенные с услугами

Неверный стимул для получателей услуг ведет к тому, что они не в меру и без необходимости используют предлагаемые услуги, поскольку те якобы бесплатны. Социальное государство наказывает скромность и сдержанность и награждает избыточное потребление, а также нечестность. Ведь с неумолимостью закона природы действует принцип: *каждая дотация ведет к увеличению множества дотированных товаров.*

Когда британские колониальные власти в Индии вознамерились совладать с нашествием кобр, каждому, кто предъявит мертвую кобру, было официально обещано вознаграждение. В результате популяция кобр выросла до дотолы невиданных размеров: кобр разводили, чтобы получить премию³⁸.

Несколько лет назад Германию держала в напряжении масштабная забастовка железнодорожных машинистов. Перед началом важных переговоров председатель профсоюза вдруг исчез. Пресса уже предполагала внутренние схватки за власть, когда стало известно, что сей начальник просто-напросто уехал в очередной отпуск³⁹ на лечение. Отпуск этот уже не раз откладывался и теперь просто бы пропал. Как дитя социального государства он явно не мог поступить иначе, кроме как в самый серьезный момент покинуть сражающиеся войска. Нельзя же, чтобы отпуск пропал!

Стало быть, речь не о том, есть добрые намерения или их нет. Главное – результат. Если будут платить за то, что ты беден, нетрудоспособен, болен или воспитываешь ребенка в одиночку, то и такие обстоятельства будут встречаться все чаще.

Следующий неверный стимул социального государства состоит в исключении личной предусмотрительности и ответственности. Зачем следить за состоянием собственного здоровья, если в случае болезни можно рассчитывать на выплату полной заработной платы? Зачем заблаговременно принимать меры против жизненных рисков или побуждать к этому близких? Ведь каждый имеет право на «необходимые средства к жизни». Сюда относятся посещение театров, кино, концертов, телефон, радио, телевидение и подключение к интернету, а также подписка на газету. К этим нормам социальной помощи добавляются одноразовые пособия на особые приобретения, полное покрытие расходов на оплату жилья и страховки, а также рождественские пособия⁴⁰.

Наряду с этим существует стимул постоянно требовать новых услуг. Вопреки расхожему мнению, перераспределение в социальном государстве происходит вовсе не преимущественно от богатого к бедному. Непрерывно идет перераспределение между всеми группами доходов, чтобы обеспечить определенным группам особые льготы – например, матерям-одиночкам, студентам, театральным, пострадавшим от природных катастроф и т. д. Поскольку же перераспреде-

³⁸ <https://de.wikipedia.org/wiki/Kobra-Effekt>

³⁹ «Вельт» (“Die Welt”) от 18.10.2007: «Сегодня забастовка машинистов – а шеф профсоюза едет в отпуск».

⁴⁰ По крайней мере, в Германии, Habermann 2013, 226.

ление осуществляется не в каком-то одном направлении, трудно оценить, кто именно получает фактическую выгоду, а кто нет. Однажды усвоив, что достаточно – во имя социальной справедливости – громко потребовать услуги, организованная группа будет и впредь действовать так же. За нею потянутся и другие общественные группы, прекрасно понимая, что иначе будут только платить за льготы, полученные более активными группами.

Эти проблемы обостряются в связи с миграцией. По причине высоких социальных отчислений квалифицированные налогоплательщики эмигрируют, зато иммигрируют не желающие работать получатели услуг.

Мне лично известны несколько случаев, когда ведущие сотрудники эмигрировали из Германии и Австрии в Швейцарию. Причиной, в частности, были более низкие в Швейцарии социальные отчисления. И наоборот, один из азиатских мигрантов рассказал мне, что у него, собственно говоря, нет стимула работать, потому что как отец семейства он имеет возможность получать социальную помощь в объеме, превышающем жалование министра (!) у него на родине.

Тому, кто постулирует универсальное право человека, позволяющее жить за счет других, не стоит удивляться, если в конечном счете этого права требуют. Человек, который в развивающейся стране ежедневно по десять часов выполняет тяжелую работу и получает за это в месяц сто долларов США, в самом деле задумается, не лучше ли перебраться в Центральную Европу. Здесь он фактически ежемесячно получает тысячу долларов США за безделье, включая превосходную инфраструктуру. Логично, что, например, в Швейцарии лишь каждый седьмой из тех, кто официально претендует на статус беженца и имеет разрешение на пребывание в стране, занят регулярной работой⁴¹. И чем больше семья, тем выше претензии.

В Германии получил известность сирийский беженец, у которого четыре жены и 23 ребенка. Он претендует на круглым счетом 30 000 евро социальной помощи в месяц, вообще ни разу не заплатив ни гроша налогов⁴². Средний доход немца составляет примерно 3 700 евро в месяц⁴³.

Трагическим образом данная система стимулов ведет к тому, что у себя на родине продуктивные производители услуг соблазняются к миграции в социальные государства, чтобы там стать алиментрованными потребителями услуг. Эмигранты из социальных государств, как и иммигранты, поступают по-человечески, стремясь повысить свой уровень жизни. При этом они используют предлагаемые им системы стимулов. В результате социальное государство теряет дающих, получая взамен больше берущих. Фактически отсюда следует также, что комбинация открытых границ и социального государства функционировать не может, а иными словами, представляет собой надежный рецепт катастрофы⁴⁴. Упорный отказ западных элит признать данное положение вещей может раньше, нежели ожидается, нанести социальному государству смертельный удар.

Последствия описанных неверных стимулов очень серьезны: сверхзадолженность, мелочное попечительство и асоциальное поведение.

⁴¹ Еженедельник «Вельтвохе» (“Weltwoche”) 51/52, 2014, «Просто социальное государство» (“Sozialstaat einfach”).

⁴² https://deutscherarbeitgeberverband.de/klartextfabrik/2016_10_03_dav_klartextfabrik_frauen-kinder.html

⁴³ <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/237674/umfrage/durchschnittlicher-bruttomonatsverdienst-eines-arbeitnehmers-in-deutschland/>

⁴⁴ В этом плане стоит почитать убедительные выкладки Sieferle 2017, хотя он и недооценивает внутренне неверную конструкцию социального государства.

Сверхзадолженность

Социальное государство – государство долговое, которое уже не сумеет выплатить будущим поколениям обещанные услуги. В силу вышеописанной структуры стимулов система постоянно сталкивается с оттоком плательщиков при одновременном росте числа получателей услуг. Параллельно все время возрастают уровни услуг и раздувается социальная бюрократия. Поэтому не только постоянно увеличиваются государственные расходы, но и сокращается возможный экономический рост. Ведь в секторе производства занято все меньше людей. Но меньший экономический рост в свою очередь ведет к росту числа нуждающихся. То есть налицо замкнутый круг. Социальное государство все отчаяннее борется с проблемами, какие само же и породило.

Методы распределения ускоряют путь к финансовому краху. Большинство социальных «страховок» (пенсионная, на случай болезни и безработицы) основаны на распределении денежных сборов, то есть уплаченные взносы тотчас распределяются дальше по получателям услуг. Поскольку наличные средства просто перераспределяются, нет никакой экономии, никаких инвестиций, а тем самым нет и прибыли. Если плательщиков становится все меньше, если они постоянно стареют и заводят все меньше детей, у системы возникает серьезная проблема. А потому огромный, обусловленный конструкцией рост затрат социальных систем уже не один десяток лет удается покрывать только за счет увеличения государственной задолженности. Задуманная как решение массовая иммиграция неквалифицированной рабочей силы не решает эту проблему, а только усугубляет.

Реформы социального государства суть либо просто косметика, либо по прошествии 15–20 лет оставят всего-навсего легкий изгиб в постоянно поднимающейся кривой затрат. Логично, что за последние сто лет государственная квота в западных демократиях возросла от в среднем 12 % до почти 50 %⁴⁵. Вменяемые социальному государству расходы составляют ныне в Германии уже более 50 % государственного бюджета⁴⁶. За последние сорок лет немецкий государственный долг увеличился со 167 млрд до 2 000 млрд евро⁴⁷! Если учесть все пенсионные и социальные претензии общин и земель, то эта цифра достигнет 8 000 млрд, то есть 8 трлн евро⁴⁸. В других западных социальных государствах дело обстоит сходным образом.

Если число берущих будет впредь увеличиваться, а число дающих – падать, при том что будет расти и социальная бюрократия, то крах государственного и социального бюджета всего лишь вопрос времени. Фискальные уловки центральных банков, такие, как манипуляции по снижению процентных ставок или покупка собственных государственных займов, могут лишь отсрочить этот результат, но не предотвратить его.

Мелочная опека

Социальное государство – государство авторитарное, оно приказывает, что надо делать, и гражданин обязан подчиниться. Безразлично, желает он или не желает равномерно распределять свои доходы по всем жизненным этапам, как предписано законодательным пенсионным страхованием. Безразлично, предпочитает ли минимальное страхование на случай болезни лишь с учетом высоких рисков. Индивидуальные жизненные планы в системе все менее допу-

⁴⁵ <https://ourworldindata.org/public-spending/>. Государственная квота – доля государственных затрат в валовом национальном продукте.

⁴⁶ www.bundeshaushalt-info.de/#/2017/soll/ausgaben/einzelplan.html: работа и социальные статьи – 41,81 %, здравоохранение – 4,61 %, семья – 2,89 %, образование – 5,36 %.

⁴⁷ 1977–2017; www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/OeffentlicheFinanzenSteuern/OeffentlicheFinanzen/Schulden/Tabellen/SchuldenNichtOeffentlich_Insgesamt.html

⁴⁸ Prollius 2012, 57–77; 65. Braunschweig 2012, 31f.

стимы. Отсюда следует растущая мелочная опека, а тем самым ограничение свободы. Гражданину не дают идти своим путем, как не дают и приобретать собственный опыт и извлекать из него урок. Заранее предписан путь к недееспособности. А откуда, собственно, проистекает право принуждать мирных ближних к участию в том, чего они не желают?

Асоциальное поведение

Социальное государство развращает людей, поощряя асоциальное поведение. Существуют мощные стимулы поступать нечестно и непорядочно («симулировать болезнь»). Место собственной предусмотрительности занимает зависимость. Место ответственности – недееспособность. Место любви к ближнему – стремление выжать максимум для себя. Место самоутверждения – поиски незаслуженных доходов. Место благодарности – агрессивная требовательность. Повсеместная в социальном государстве претензия общественных групп на перераспределение фактически становится приглашением к совершению наказуемого деяния. Ведь перераспределение возможно, только если у людей отнимают плоды их труда. Следствие – нескончаемая борьба за перераспределение, а значит, социальные раздоры и зависть. Но ведь нет общепризнанного правового принципа, позволяющего двум людям лишать третьего собственности. Личная неудача или несостоятельность отнюдь не основание для привилегии эксплуатировать других.

Защитники социального государства возразят, что «солидарности» и «социальной справедливости» невозможно достичь иным путем. Но солидарность, достигнутая под угрозой насилия, таковой не является. «Социальная справедливость» неопределима и всегда зависит от позиции наблюдателя. Что же допускает для человека возможность жить за счет других и кто судья, который выносит такое решение? По какому праву А решает, сколько Б должен заплатить В?

В. Принцип минимума как ключевая проблема

Если проблемы настолько очевидны, то почему социальное государство все же так популярно? Ответ мы найдем в принципе минимума. Люди всегда ведут себя по принципу минимума, то есть стремятся получить как можно больше за минимальные действия, что с точки зрения эволюции вполне разумно. Потому-то мы постоянно ищем вспомогательные средства и методы, чтобы меньшими усилиями достичь большего результата. А это опять-таки привело к тому, что ныне благодаря технологии средний человек в большинстве стран может жить в благостоянии, прежде доступном лишь привилегированным верхним слоям.

Коль скоро эта диспозиция справедлива и для политической власти, возникает проблема: в силу государственной монополии власти политика может обещать дотации, за которые получатели дотаций якобы ничего не платят⁴⁹. С их точки зрения это выгодно: никаких усилий и все же доход = хорошая сделка. Сюда относятся не только явные подкупы избирателей вроде обеспечения пособия на детей или свободной диспансеризации и, пожалуй, даже безусловного основного дохода, но и законодательные урегулирования, желательные для некоей группы, например предписания по защите от увольнения или запрет на ядерную энергию. Все краткосрочные преимущества, модные веяния в духе времени, обещания, не требующие ничего взамен, и прочие «даровые» предложения политики пользуются спросом у большинства. Разумеется, в конечном счете кому-то приходится за все это платить, но одна из важнейших «услуг» политики как раз в том и состоит, чтобы маскировать такие взаимосвязи. Теоретически эту проблему можно решить, используя здравый смысл и убеждение, на практике же принцип минимума сильнее. Политики или правители, одобряющие сокращение услуг, рано или поздно

⁴⁹ Такой вывод Ходоров сделал еще в 1959 г., Chodorov 2012.

лишаются поддержки избирателей или заменяются другими. *Отто фон Бисмарк*, автор социального государства, вполне логично называл его «государственным социализмом». В конце жизни он подвел следующий итог:

*Возможно, когда я умру, наша политика рухнет. Но государственный социализм пробьется. Каждый, кто подхватит эту идею, придет к кормилу власти*⁵⁰.

Из этого признания и всего вышесказанного вытекает следующая, регулярная модель:

1. *Почти все люди хотят повысить свой жизненный уровень. И хотят сделать это самым простым способом.*

2. *Легчайший путь повысить свой материальный жизненный уровень – отнять что-нибудь у других.*

3. *Большинство, правда, не отваживается просто зайти в магазин, набрать товаров и уйти, не заплатив, или отобрать деньги у соседа.*

4. *Они облегчают себе задачу, поручив это третьему лицу, которое берется за дело, заявляя, что все законно, да еще и накидывает на весь процесс моральный плащик.*

5. *Поэтому люди обращаются к государству. Ибо государство – единственный институт, который может безнаказанно отобрать у других плоды их труда. Но в самом деянии ничего не меняется, отъем остается отъемом, который это же общество в иных ситуациях считает фактом кражи или грабежа («Не укради»).*

6. *Правительства и политики обслуживают такие желания, иначе их не выберут или снимут, а на их место посадят тех, кто все это сделает.*

7. *Мало-помалу все большее число общественных групп выясняет, как можно использовать власть государства в собственных целях. Государство – не экономическая активность – становится главным источником повышения жизненного уровня.*

8. *Все меньше людей заняты в секторе производства. Борьба за перераспределение становится интенсивнее, государственная задолженность растет.*

9. *В конце концов деньги у государства кончаются. Вытекающий отсюда кризис приводит к радикальным реформам, а то и к смене системы. Игра начинается сначала*⁵¹.

Означенная динамика, увы, ведет и к тому, что государство во все большем количестве областей и все интенсивнее вмешивается в частную жизнь. Ведь распределяются и нематериальные дотации, иначе говоря, регулирования в пользу желаний определенных групп. Возможность жить по собственному вкусу, а тем самым просто человеческое многообразие все больше

⁵⁰ Habermann 2013, 175.

⁵¹ Эта модель – развитие вывода Боннера, Bonner 2014, 164f.

сужается. Особенно в демократиях – но не только там – почти всякая группа пытается реализовать свои личные желания за счет всего общества, вот почему со временем *неизбежно* растут число законов, налоговое бремя и государственные долги.

II. Как можно ограничить власть?

Тот, кто ждет от политики разумных решений, не понял, что воля к власти сильнее любого разума.

Роланд Баадер, экономист и публицист

Если комбинация человеческого принципа минимума и политической власти составляет проблему, можно бы, с одной стороны, попытаться изменить человека и сложившиеся в ходе эволюции модели его поведения. Такие попытки предпринимались уже не раз, особенно политикой и религией. До сих пор успеха достичь не удалось, что, впрочем, не мешает приверженцам данного варианта делать попытки снова и снова. С другой стороны, можно бы сломить политическую власть или по меньшей мере ее ограничить. Над этим более-менее успешно работают уже несколько столетий. Рассмотрим подробнее несколько таких попыток.

Проблема насилия и монополия насилия

Один из главных уроков истории гласит, что людям необходимо организоваться в некоей вооруженной форме, иначе им не отразить агрессию чужих групп. В этом смысле сплочение неизбежно. В противном случае людей просто поработят. Такая судьба ожидала бы и самоопределившихся, но незащищенных анархистов, самое позднее по достижении некоторого благосостояния. По сути, именно из такой ситуации исходил *Томас Гоббс*, когда писал своего «Левиафана»⁵². Реальной борьбы «всех против всех» как естественного состояния, конечно, никогда не было и не будет. Человек – животное стадное и, как таковое, склонен объединяться в стаи. В соответствующих обстоятельствах это имеет место и ныне: даже на незаконных территориях бразильских *фавел* развиваются иерархии и кооперации⁵³.

Однако подлинная суть гоббсовского подхода заключена в том, что неорганизованному индивиду или слабой группе постоянно грозит опасность грабежа со стороны кочующих в округе более крупных или более сильных шаек. Физическая борьба за скудные блага в Гоббсовом естественном состоянии присутствует постоянно, сельское хозяйство, торговля, наука и искусства вообще не возникают. Такое состояние неудовлетворительно и как раз не обеспечивает свободы, потому что другие постоянно мешают человеку делать то, что он хочет, и даже силой отнимают плоды его труда. Альтернатива от случая к случаю объединяться с соседями в оборонительные альянсы, чтобы отразить врагов, тоже намного ненадежнее и в большинстве случаев затруднительнее, нежели создание организации более высокого порядка, которая исключительно и в обязательном для всех порядке берет на себя защиту личности, жизни и собственности.

Поэтому со временем в развитых регионах мира появился институт монополии насилия. Это учреждение, как правило, именуется полицией и имеет исключительное право пресекать применение гражданами силы для достижения собственных целей, в том числе как возмездие за бесспорно изведенную несправедливость, причем только полиции разрешено угрожать насилием или прибегать к нему. Готовым к насилию, так сказать, под угрозой насилия разь-

⁵² Гоббс (Hobbes 1970, 151): «Законы и договоры сами по себе не могут отменить состояние войны всех против всех; ведь они существуют на словах, а просто слова не могут вызвать страх, поэтому без помощи оружия они не способствуют безопасности людей».

⁵³ Wolff 2015.

ясняется, что им надлежит отказаться от применения силы для осуществления собственных целей. Ради защиты от внешних групп, готовых к применению силы и не относящихся к данному сообществу, было создано войско. Подобный порядок оказался успешным и одержал верх над другими системами. Вот почему сейчас повсюду в мире есть государства и государственные монополии насилия. Даже преступные элементы предпочитают такой порядок, поскольку тогда награбленное, украденное или добытое путем мошенничества добро не отнимут у них на ближайшем углу, опять-таки силой⁵⁴.

Тем не менее во многих местах мира люди не могут жить в безопасности. Когда надо, полиции на месте нет, она вообще обходит иные кварталы стороной или продажна и сама является частью проблемы. Пока сами власть имущие могут жить в безопасности, у них мало стимулов предлагать другим столь же высокий уровень безопасности. Но, в сущности, все государства, не могущие обеспечить своим гражданам безопасность, суть *failed states* (*несостоятельные государства*). От подобных систем толку мало. Обязательства гражданина перед государством кончаются, если оно уже не в состоянии его защитить⁵⁵.

Политика

Гоббс очень точно подметил, что государственная монополия насилия создает мирный порядок, который в конечном счете полезен всем гражданам. Увы, он упустил из виду, что это преимущество оборачивается своей противоположностью, если государство использует свою монополию насилия, чтобы достичь целей, выходящих за рамки обеспечения мира. А именно, когда государство начинает заниматься политикой и навязывает поголовно всем политические цели, неизменно представляющие собой лишь цели определенной группы граждан. В таких системах жертвы пристрастной политики даже беззащитнее, чем в естественном состоянии. Государственная монополия насилия теперь оборачивается *против* них, и им, например, приходится терпеть, что у них отбирают значительную часть их дохода и распределяют по другим карманам, а они не смеют возражать. Однако когда государственная монополия силы становится орудием политически мотивированной пристрастности, исконная концепция утрачивает свое воздействие, и за фасадом мирного государства вновь свирепствует непрерывная – на сей раз политическая – борьба соперничающих групп⁵⁶. Политика, таким образом, превращается в неприметную гражданскую войну, чья неприметность идет оттого, что жертвы государственной пристрастности не имеют реального шанса на оборону. Достигнутый мир всего лишь кажимость и основан на эффективном подавлении отклоняющихся интересов.

Поэтому контрпродуктивно предоставлять государству власть, выходящую за рамки обеспечения внутренней и внешней безопасности. Ведь коль скоро мир установлен, единственная легитимная задача государства – заботиться о том, чтобы его жители не навязывали другим свою волю. И только для реализации этого принципа самому государству дозволено применять силу. Этот вывод отнюдь не нов, его можно найти уже у философов *Джона Локка*⁵⁷, *Вильгельма фон Гумбольдта*⁵⁸, *Людвига фон Мизеса*⁵⁹ или у *Людвига Эрхарда*, по мнению которого проблемы начинаются, когда государство перестает быть арбитром и само вступает в игру⁶⁰. Правда, это учение регулярно игнорируют, ибо очень уж привлекательно позволить политике решать проблемы. Но политика, по сути, означает – навязывать всем прочим свой взгляд на

⁵⁴ Puster 2017.

⁵⁵ Справедливо отмечено Гоббсом, Hobbes 1970, 126.

⁵⁶ Puster 2017.

⁵⁷ Locke 1974.

⁵⁸ Humboldt 1991.

⁵⁹ Mises 2006.

⁶⁰ Erhard 1957, 134f.

мир. А люди-то разные. Что верно для одного, неверно для другого. Субъективно разные представления о ценностях и объективно иные жизненные обстоятельства ведут к тому, что при любом «политическом разрешении» ситуаций остаются люди, которых к чему-то принудили против их воли. Делать политику значит стать на чью-то сторону и сделать желания нескольких масштабом для всех, причем – нельзя забывать! – в случае чего и силой. Разве такое может быть легитимным?

Общественный договор

По *Гоббсу*, граждане делегировали государству столь обширные властные полномочия, чтобы иметь возможность жить в безопасности⁶¹. Позднее *Локк* и, прежде всего, *Руссо* дополнили эту позицию принципом общественного договора, где речь шла о добровольном соглашении участвующих сторон, сравнимом с гражданско-правовым договором⁶². Он должен иметь место между гражданами и государством. Или, по крайней мере, граждане должны заключить между собой договор, согласно которому уступают часть своего суверенитета государству и принимают вытекающие отсюда последствия. Данная трактовка по-прежнему преобладает; как правило, конституция государства и вытекающий из нее порядок приравниваются к общественному договору *Руссо*. Однако у нее есть изъян, а именно: создание договора также должно происходить согласно правилам взаимности, выработанным на протяжении столетий в гражданском праве. В противном случае речь идет о чем-то другом, чему понятие договора уже не соответствует.

⁶¹ Hobbes 1970, 156f. Гоббс тоже называл это договором.

⁶² Rousseau 1977, 17. Locke 1974, 74.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.